

ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(510); 327; 2-13(091); 811.581(091)
DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-22-40

Сакральный характер власти в Цинской империи и его проявление во внешней политике по отношению к Джунгарскому государству и казахам

*Наталья Валерьевна Кузнецова*¹

¹ независимый исследователь (д. 4, ул. Жуковского, 143402 Красногорск, Российская Федерация)

кандидат филологических наук

 0000-0002-0116-4512. E-mail: nwkusnetsova@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Кузнецова Н. В., 2021

Аннотация. *Введение.* Сакральный характер власти — один из основных признаков империи. В китайском государстве, начиная с древних эпох, сакрализация власти получает отображение в религиозно-философском учении об императоре как сыне Неба, который управляет Поднебесной. Это религиозно-философское учение отличается от концепции китаецентризма пониманием характера власти. *Цель.* В работе рассматриваются особенности внешней политики Цинской империи в отношении Джунгарского государства и казахов с учетом проявления сакрального характера власти во внешней политике китайского государства. В статье также затрагивается вопрос о количестве ойратов, уничтоженных Цинской империей. *Материалы.* Основой исследования стали научные труды по истории Цинской империи, китайско-казахских, китайско-ойратских, казахско-ойратских отношений, а также опубликованные китайские источники. *Выводы.* В работе показано, что сакральный характер власти в Цинской империи проявлялся в том числе и во внешней политике. Правители Джунгарского государства и казахских родов становились номинальными подданными императора без принуждения с китайской стороны. Причем это не обязывало их становиться реальными подданными, данниками. Происходило ритуальное взаимодействие, выгодное для обеих сторон. Если некий китайский правитель становился номинальным подданным богдыхана, то в отношении его народа империя проявляла мягкую силу, даже в случае осознанного нарушения ее указов, как это произошло при рассмотренном эпизоде китайско-казахских отношений. Когда правитель прекращал установленное взаимодействие и начинал противоречить императору, его империя стремилась просто уничтожить, как это произошло с Галданом Бошогту-ханом и его преемниками.

Ключевые слова: империя, Цинская империя, Джунгарское государство, казахи, ойраты, сакральный характер власти, номинальное подданство, сын Неба, китайско-казахские отношения, китайско-ойратские отношения

Благодарность. Автор выражает благодарность кандидату исторических наук Дмитрию Евгеньевичу Желобову за консультацию по переводу с китайского языка по теме

исследования, кандидату исторических наук Андрею Сергеевичу Ряжеву — за положительную оценку результатов исследования на этапе его апробации, а также доктору исторических наук Дмитрию Валентиновичу Васильеву — научному консультанту по работе.

Для цитирования: Кузнецова Н. В. Сакральный характер власти в Цинской империи и его проявление во внешней политике по отношению к Джунгарскому ханству и казахам // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 1. С. 22–40. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-22-40

The Sacral Nature of Power in the Qing Empire and Its Manifestation in Foreign Policy towards the Dzungar State and the Kazakhs

Natalia V. Kuznetsova¹

¹Independent Researcher (4, Zhukovsky St., Krasnogorsk 143402, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology)

 0000-0002-0116-4512. E-mail: nwkusnetsova@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Kuznetsova N. V., 2021

Abstract. *Introduction.* The sacred nature of power is one of the main features of the empire. Since ancient times in the Chinese state the sacralization of power is presented in the religious-philosophical doctrine of the Emperor as the Son of Heaven who rules the Celestial Empire. This doctrine differs from the Sinocentrism conception in its understanding of the nature of power. *Goals.* The present paper examines foreign policy of the Qing Empire towards the Dzungar state and the Kazakhs with due regard of the manifestation of the sacred nature of power in foreign policies conducted by the Chinese government. The article also addresses the issue of the number of Oirats slaughtered by the Qing Empire. *Materials.* The research analyzes scientific works on the history of the Qing Empire, Chinese-Kazakh, Chinese-Oirat, Kazakh-Oirat relations, as well as published Chinese sources. *Results.* The paper shows that the sacral nature of power in the Qing Empire manifested itself in foreign policy as well. The rulers of the Dzungar state and Kazakh clans became nominal subjects of the Empire without coercion from the Chinese side. And this fact did not oblige them to become real subjects, tributaries. There was a ritual interaction that was beneficial for both sides. If a non-Chinese ruler became a nominal subject of *Bogdykhan*, the Empire showed soft power in relation to his people. Even in the case of a deliberate violation of its decrees, which happened in the episode of Sino-Kazakh relations under consideration. When the ruler stopped the established interaction and began to contradict the Emperor, the Empire sought to destroy him, like the case with Galdan Boshogtu Khan and his successors.

Keywords: empire, Qing Empire, Dzungar state, Kazakhs, Oirats, sacred nature of power, nominal citizenship, Son of Heaven, Chinese-Kazakh relations, China-Oirat relations

Acknowledgements. The author thanks Dmitry E. Zhelobov, Cand. Sc. (History), for consulting on her translation from Chinese on the subject of the research, and Andrey S. Ryazhev, Cand. Sc. (History), for his positive assessment of the results of the research at the stage of its approbation. Special thanks to the Dr. Sc. (History) Dmitry V. Vasiliev, scientific consultant on her research.

For citation: Kuznetsova N. V. The Sacral Nature of Power in the Qing Empire and Its Manifestation in Foreign Policy towards the Dzungar State and the Kazakhs. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021. Vol. 13(1): 22–40. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-22-40

Введение

Сакральный характер власти, наряду с полиэтничностью и наличием доминирующего этноса, масштабностью территории и связанной с концепцией собирания земель экспансией, наличием центра и периферии, считается одним из основных признаков империи как системного государственного образования [Тиморшина 2005: 228].

В Цинской империи, как и в китайском государстве более раннего периода, сакральный характер власти получил отображение в религиозно-философском учении об императоре как сыне Неба, управляющим Поднебесной — центром Вселенной. Обратим внимание на порядок: это учение о человеке, который получал мандат Неба на правление Поднебесной, он благодаря этому становился императором, начинал управлять государством силой императорского дэ¹, государство благодаря этому, как при смене циклического времени, вновь становилось Поднебесной, подтверждало свой статус центра Вселенной. Именно поэтому в китайской истории были возможны такие ситуации, когда императором становился человек незнатного происхождения² или что Нурхацци стал императором задолго до того, как маньчжурские войска захватили Пекин³.

Такой подход определяет актуальность темы и позволяет рассмотреть особенности внешней политики Цинской империи в отношении Джунгарского государства и казахов в новом ракурсе. Отметим, что обычно учение о китайском императоре как сыне Неба упоминают в рамках концепции китаецентризма, в которой, судя по названию данной концепции, понимание характера власти представлено в обратном порядке: Китай считал себя центром Вселенной, Поднебесной, поэтому китайский император считался сыном Неба. О сакрализации правления в данном случае, как правило, говорится, однако концепция китаецентризма выступает, скорее, как идеология, нежели как религиозно-философское учение, в котором получает отображение сакральный характер власти в империи.

Цель работы — рассмотреть в фактологическом аспекте особенности внешней политики Цинской империи в отношении Джунгарского государства и казахов с учетом характерного для Китая понимания сакрального характера власти. Такой синтетический подход обоснован, так как высшая власть разделялась в лице императора на сакральную и политическую, причем они проявляли себя не по очереди, а совместно: в сакральном проявляла себя политика, в политике — сакральное [Мартьянов 2009: 136].

¹ Императорское дэ — это синтез (чжи и шэн), причем в широком смысле данных слов. В данном случае чжи — это порядок, шэн — жизнь. См. подробнее: [Мартьянов 2009: 136].

² Первый император Хань — Гао-цзу (личное имя Лю Бан) происходил из крестьянской семьи. В крестьянской семье также родился первый император династии Мин Хуньу (Хонгву, личное имя Чжу Юаньчжан), который принимал участие в восстании красных повязок.

³ Первый император Цинской династии Нурхацци провозгласил себя верховным правителем, сыном Неба в 1616 г. (девиз правления — Тяньмин, мандат Неба); Пекин был захвачен в 1644 г.

Материалом для исследования стали научные работы, опубликованные в XX–XXI вв. по истории Цинской империи, китайско-казахских, китайско-ойратских, казахско-ойратских отношений. Это труды Л. И. Думана [Думан 1936; Думан 1976], В. С. Кузнецова [Кузнецов 1983], А. С. Мартынова [Мартынов 2009], Б. Г. Доронина [Доронин 2009], Е. И. Кычанова [Кычанов 2009], А. М. Пастухова [Пастухов 2009], К. С. Ануфриева [Ануфриев 2011], В. А. Бармина, С. В. Дмитриева, В. Г. Шматова [Бармин, Дмитриев, Шматов 2016], К. Ш. Хафизовой [Хафизова 2019], В. А. Моисеева [Моисеев 1991], А. М. Тиморшиной [Тиморшина 2005], И. Я. Златкина [Златкин 1983], Д. Г. Кукеева [Кукеев 2018; Кукеев 2019], С. К. Удербаяевой, А. М. Сагатова [Удербаяева, Сагатов 2019], И. В. Тутаева [Тутаев 2019], Д. Нода, Т. Онума [Noda, Onuma 2010], П. Пердюю [Perdue 2005]. В большинстве монографий, статей перечисленных авторов говорится о китаецентризме, подробно или эпизодически. Однако проявление сакрального характера власти во внешней политике Цинской империи по отношению к Джунгарскому государству и казахам не анализируется.

Работа проводилась также на основе китайских источников, переведенных на русский язык, опубликованных и снабженных комментариями [Международные отношения 1989: № 65, № 68; Международные отношения 1989: № 66; Международные отношения 1989: № 63, № 64, № 69, № 70, № 71, № 80; Фанлюэ 1994], также использовался китайский источник 平定准噶尔方略 ‘Пиндин чжуньгаэр фанлюэ’ (= «Описание усмирения джунгар») [方略].

Вопрос о количестве ойратов, уничтоженных Цинской империей, уточняется в статье на основе предложения на китайском языке из источника 西域闻见录 ‘Сиюй вэнь цзянь лу’ (= «Описание виденного и слышанного о западном крае») (см.: [Думан 1936: 256]). При этом к анализу привлекается перевод данного источника, выполненный о. Иакинфом и опубликованный в 1829 г. [Иакинф 1829].

В работе о. Иакинфа упоминается об уничтожении миллиона ойратов, и эта цифра способна создать у исследователей впечатление об осознанном уничтожении ойратского этноса Цинской империи. Такую цель империя перед собой не ставила. Однако вопрос об уничтожении Джунгарского государства был поставлен еще до начала военной кампании 1755 г., и данный вопрос, полагаем, был связан с особенностями внешней политики Цинской империи, основанной на религиозно-философском учении об императоре как сыне Неба. С учетом этого для достижения **цели исследования** в работе решаются следующие задачи: определить особенности сакрального характера власти в Китае; рассмотреть проявление сакральной стороны власти в отношении Джунгарского государства с уточнением вопроса об уничтожении ойратов в XVIII в.; рассмотреть проявление сакральной стороны власти в отношении казахов.

Особенности сакрального характера власти в Китае

Высшая власть в Цинской империи, как и в Китае более раннего периода, проявляла себя в сакральном и политическом смыслах. В первом случае это выражалось во взаимодействии императора с высшими сферами. Как подчеркивает А. С. Мартынов, императорское дэ в ритуальной ипостаси сводилось

«к ритуальным нормам и правилам взаимодействия императора ... с высшими сферами (Небом)» [Мартынов 2009: 136]. В данном случае «содержание дэ, присущего императору, выражалось в ритуалах, означавших установление связи с сакральными сферами, что определялось особым психологическим состоянием» [Мартынов 2009: 136]. Политическая ипостась императорского дэ проявлялась непосредственно в управлении государством, а также при организации взаимодействия с некими народами, родами, странами.

Император считался правителем Вселенной, сыном Неба (Тяньцзы), способным получать гармонизирующее начало из высших сфер и проявлять это начало в Поднебесной. И это религиозно-философское учение существовало в китайском государстве уже в эпоху Чжоу (XI–III вв. до н. э.). Однако и в более раннюю эпоху Шан-Инь (XVII–XI вв. до н. э.) прослеживается подобная сакрализация высшей власти, которая проявлялась в сакральном взаимодействии с Верховным владыкой шанди (в религиозно-философском смысле тянь, шанди — тождественные понятия) [Думан 1976: 28].

Китайский император как сын Неба получал право оказывать влияние на правителей других народов. При этом устанавливалась номинальная вассальная зависимость⁴ от владыки Поднебесной. С религиозно-философской точки зрения правитель некий народа получал не просто китайский титул от сына Неба, но и сакральную силу от императора, который проводил ее на Землю непосредственно из сакрального небесного пространства. Л. И. Думан обращает внимание, что хотя подобное внешнеполитическое взаимодействие сопровождалось признанием сюзеренитета китайского вана, оно «отнюдь не означало, что получивший инвеституру был подлинным вассалом иньского царя. Он и без мандата иньского вана обладал правом на свои владения и управлял ими» [Думан 1976: 32].

После получения китайских титулов правители некий народов, родов, стран должны были поддерживать особое взаимодействие с сыном Неба: периодически являться к нему на аудиенцию и отправлять своему сюзеру (китайскому вану) дары. Подарки номинальных вассалов следует рассматривать именно как дары, так как они не имели, в отличие от дани из внутренних районов, значительного экономического значения для государства и применялись, как правило, для ритуальных целей. Причем во время аудиенции в Поднебесной происходил обмен дарами: получивший китайский титул правитель получал от сына Неба подарки, часто во много раз превосходившие его

⁴ Поясним терминологию. В работе Л. И. Думана [Думан 1976] речь идет и о формальной зависимости, и о номинальной зависимости. Данные понятия употребляются как синонимичные. В современном русском языке слово «формальный» в первую очередь означает «официальный, законный, произведенный в принятом, законном порядке», поэтому видится продуктивным употреблению понятий «номинальная вассальная зависимость», «номинальный вассал». Формальным (официальным, реальным) вассалом Цинской империи была, в частности, Корея. Ойратов и казахов следует отнести к номинальным вассалам. Одновременно их можно считать номинальными подданными империи. Употреблять эти два понятия как синонимичные возможно, во-первых, с учетом особенностей сакрального характера власти в Китае. Во-вторых, В. С. Кузнецов, говоря о китайско-казахских отношениях после 1757 г., подчеркивает, что император «не приравнивал их к своим подданным в подлинном смысле этого слова» [Кузнецов 1983: 24]. Другими словами, было установлено взаимодействие, которое считалось подданством, но не в общепринятом смысле, не в том, в каком оно употреблялось по отношению к формальным, реальным подданным империи.

собственные дары. Однако отказ присылать дары рассматривался с китайской стороны как факт неповиновения [Думан 1976: 32]. У номинальных вассалов существовала обязанность оказывать, в случае необходимости, военную поддержку Поднебесной. При дворе императоров Цинской династии во время аудиенции в основном происходило то же церемониальное действие, что и в древние эпохи. Однако фактическое взаимодействие с конкретным государством согласно международным договорам и смысловая нагрузка церемониала могли сильно отличаться [Думан 1976: 46–47].

Проявление сакральной стороны власти в отношении Джунгарского государства

Сокрушение Джунгарского государства для Цинской империи стало актуальной проблемой по трем причинам. Во-первых, сильное государство, сумевшее распространить свое влияние в центральноазиатском регионе, представляло реальную угрозу безопасности Поднебесной. Во-вторых, в случае победы над ойратами династия Цин смогла бы доказать законность своего правления и продемонстрировать, что действия цинских императоров соответствуют воле Неба. Ведь предыдущая династия Мин тоже сталкивалась с агрессией со стороны ойратов. В частности, ойратские правители Тогон, Эсен организовывали военные походы против Минской империи [Моисеев 1991: 8]. Причем в данном случае это была бы демонстрация не усиления военной мощи китайского государства, но верного реформирования всей государственной системы при цинской династии, так как в Китае смена династий «...означала лишь своего рода переналадку дел правления, возвращение к устоям конфуцианской монархии, которые начали разрушаться при предыдущей династии, утверждение забытых ушедшим правящим домом принципов» [Доронин 2009: 35]. Наконец, в-третьих, сокращение джунгар могло показать всему центральноазиатскому региону благотворное влияние Поднебесной, в первую очередь императора как сына Неба, способного установить коммуникацию с высшими сферами и проявить полученную сакральную силу на управленческом уровне, в том числе при организации успешных военных кампаний.

Случай представился после смерти Галдан-Церена, когда государство ойратов стали раздирать междоусобные противоречия, а бежавший из Джунгарии Амурсана предложил империи помощь по захвату ойратского государства. Необходимо отметить, что вопрос именно об уничтожении Джунгарского государства ставился изначально [Кузнецов 1983: 19], до начала военной кампании 1755 г. Подобную постановку вопроса можно объяснить уже сложившимися к середине XVIII в. китайско-ойратскими отношениями.

Ойраты были включены в сферу внешнеполитических интересов империи с конца XVII в., в период правления Канси. Во-первых, императора заботила безопасность границ государства, а правитель Джунгарского ханства Галдан Бошогту-хан задумывался о создании консолидированного монгольского государства под эгидой буддийской церкви [Ануфриев 2011: 53–54; Златкин 1983: 209]. Во-вторых, Поднебесная издавна была заинтересована территорией, которая впоследствии, войдя в состав империи, стала называться Синьцзяном. Так, во время династии Западная Хань (206 до н. э. – 9 н. э.) здесь был установлен

西域都护府 ‘протекторат Западного края’. Регион вновь вошел в состав китайской империи в середине VII в. н. э., в период династии Тан, и был включен в состав 安西都护府 ‘протектората умиротворенного Запада’ [Бармин, Дмитриев, Шматов 2016: 214, 215].

Канси не стал сразу активно действовать против Джунгарского государства, а принял выжидательную позицию. Он позволил Галдану двинуться на Халху и одержать победы над монголами. В результате халхаская знать во главе с Тушэту-ханом приняла формальное, то есть не номинальное подданство Цинской империи⁵.

Прослеживается логичный и последовательный характер политики Цинской империи в отношении Джунгарского ханства. Так, в послании Канси Далай-ламе 1689 г. отмечалось, что Халха начала раздоры первой: представители халхаской элиты (упоминается в том числе Тушэту-хан) первые подняли оружие, и только в ответ «Галдан поднял войска и разгромил их» [Международные отношения 1989: № 63]. Канси заканчивает свое послание фразой «... за эти бедствия я Галдана не виню» [Международные отношения 1989: № 63].

Через месяц император направил послание самому Галдану Бошогту-хану. В нем сообщалось о принятии в подданство правителей Халхи, причем Канси, как и в послании Далай-ламе, отмечал, что смуту затеяли халхаские ханы, а не Галдан. В этом документе император упоминал, что правители Халхи «дотоле не были подчинены мне, они, как и подчиненные государства, преданно выполняли долг и делали подношения» [Международные отношения 1989: № 64]. Полагаем, что здесь имеется указание на номинальное подданство правителей Халхи, связанное с признанием императора сыном Неба и сакральным обменом дарами, которое затем стало реальным. Интересно, что в этом послании также упоминалось, что сам Галдан «почтительно и покорно служил» императору, «подносил в некоторые годы дары» [Международные отношения 1989: № 64].

Как отмечает И. Я. Златкин, этот джунгарский правитель по собственной инициативе вступил в отношения с империей: отправил в 1677 г. посольство с дарами, грамотой; с китайской стороны посольство приняли с большими почестями [Златкин 1983: 165]. Также известно о направленном в Пекин в 1679 г. джунгарском посольстве с дарами, которые были приняты империей. Тогда Галдан сообщал, что он получил от Далай-ламы титул Бошогту-хана (благословенный правитель) [Златкин 1983: 172].

Специальный посол императора — шаншу⁶ Арни прибыл ко двору джунгарского хана в ноябре 1689 г. с подарками от императора. Была совершена приветственная церемония, обсуждался вопрос о столкновениях Джунгарского государства и Халхи. Шаншу передавал в своем докладе слова Галдана, свидетельствующие о его стремлении жить в мире с Цинской империей, а также о признании императора сыном Неба, который наполняет Поднебесную своим человеколюбием: «Милостиво наставляет множество живущих, желая гармо-

⁵ В 1689 г. Халха решила признать подданство на своем съезде, а на съезде 1691 г. было объявлено о вхождении трех халхаских аймаков в состав Цинской империи.

⁶ Шаншу — глава ведомства Лифаньюань.

нии и согласия, чтобы все наслаждались миром и порядком. Я в числе их. ... Покорнейше прошу Ваше императорское величество наставить меня, поскольку я хочу следовать этим наставлениям» [[Международные отношения 1989: № 65](#)].

Однако в феврале 1690 г. джунгарский хан обратился к Российскому государству с предложением заключить военный союз и сообщал о том, что Цинская империя и халхаские правители также заключили между собой союз [[Международные отношения 1989: № 66](#)].

В докладе шаншу Арни императору от июня 1690 г. также сообщается о планах Галдана Бошогу-хана просить солдат у Российского государства и совместных планах напасть на Халху [[Международные отношения 1989: № 68](#)].

Сведения о союзе джунгар с Россией Канси решил проверить, направив письмо русскому посланцу в Китае Г. И. Лоншакову [[Международные отношения 1989: № 69](#)].

В следующем месяце цинский император направил послание джунгарскому хану, в котором уже звучала угроза выступить против него. Канси напоминал Галдану его слова о мире, о готовности идти одним путем с Китаем и показывал, что это противоречит его военным планам и действиям. Император грозил нападением цинских сил в случае, если хан нарушит границы. В послании звучал призыв направить посла и воздержаться от войны [[Международные отношения 1989: № 70](#)].

В августе 1690 г. был уже издан указ о преследовании джунгарского хана. В документе говорилось о необходимости «преследовать и уничтожить без пощады» Галдана, если тот решит бежать [[Международные отношения 1989: № 71](#)]. Преследование джунгарского хана продолжалось до 1697 г. и закончилось его смертью [[Международные отношения 1989: № 80](#)].

По рассмотренным выше документам видно, что Цинская империя считала Галдана виновным, во-первых, в нарушении договоренностей, связанных с сакральной стороной власти (сначала со стороны Джунгарского государства было приношение даров, почтительность, потом это прекратилось), во-вторых — в отказе предложения о мире и переходе границ Цинской империи с войском⁷, в попытке установить союз с Россией с целью выступить с войском против подданных Цинской империи. Заметим, с китайской стороны предложения о реальном подданстве отсутствовали, в документах, адресованных Галдану, либо в тематически связанных с китайско-ойратскими отношениями документах речь шла только о примирении с правителями Халхи.

В целом империя с точки зрения традиционного китайского права могла обвинить Галдана Бошогу-хана в великом непокорстве (моу да ни). Такое преступление относилось к группе преступлений, направленных против императора, не подлежало амнистии. Как и государственная измена (моу пань), а также переворот, мятеж против государя (моу фань), великое непокорство относилось к преступлениям бучэнь — неисполнение долга подданного⁸. Поэтому неудивительно, что «Практически все дипломатические и военные

⁷ Имеется в виду захват людей и скота в Учжумуцине, о чем речь идет в цитированном выше указе Канси [[Международные отношения 1989: № 70](#)].

⁸ См. подробней о традиционном китайском праве и перечисленных преступлениях: [[Кычанов 2009: 388–389](#)].

мероприятия, предпринятые Канси на северо-западном направлении его внешней политики, в этот период в той или иной степени подчинены цели нейтрализации и разгрома сил Галдана» [Ануфриев 2011: 54].

К такому же типу преступлений можно отнести и действия преемников Галдана Бошогту-хана в XVIII в., в том числе и действия Амурсаны — бунтовщика против Цинской империи в XVIII в., причем в случае Амурсаны — с отягчающими обстоятельствами: ойратский нойон добровольно перешел на сторону империи, стал ее реальным подданным. Переход нойона состоялся в 1754 г. Как правило, отмечают, что император встретил Амурсану с радостью и пожаловал ему титул циньвана (князь первой степени) и обещал сделать его джунгарским правителем [Златкин 1983: 289].

Цинская армия двинулась против ойратского государства весной 1755 г. В конце доклада ванов о победе императорских войск в Или от 28 июня 1755 г. только упоминается о предложении военного совета наградить Амурсану титулом циньвана. Бывший ойратский правитель в этом документе называется фуцзянцзюнем⁹ [Фанлюэ 1994: 76]. Другими словами, никаких особых предпочтений изначально Амурсана не получал. Обе стороны выполняли свои договоренности по отношению друг к другу.

По «Описанию усмирения джунгар» видно, насколько император доверял Амурсане. Так, в XIV томе, где описываются события лета 1755 г. (20 год правления Цяньлуна) говорилось, что именно Амурсане вместе с Банди¹⁰ и Саларом¹¹ была доверена поимка Даваца. В частности, военачальники получили такие указания: «Захватить Даваца — это дело большой важности. О чем говорить — нельзя терять шанс. Салар должен соблюдать особую осторожность, предпринять решительные усилия, не должен, даже слегка, проявлять здесь лень и невнимательность. Банди и Амурсане следует временно разместиться в Или, выполнить задание — остаться поддержать Салара. Отправить войска в атаку, следовать обстановке, докладывать своевременно, регулярно ставить в известность»¹² [方略]. В этом томе не сказано о претензиях Амурсаны управлять Джунгарией, только говорится о его эгоистических стремлениях.

Война в Джунгарии закончилась в конце лета 1755 г. Однако в этот же год Амурсана возвращается в Джунгарию с отрядом в 500 человек. Побег произошел на западной границе Халхи: Амурсана сопровождал пленного Даваца, но затем напал на охранявшие границы цинские войска и бежал. Амурсана отказался от китайского подданства [Златкин 1983: 292–294]. Военные действия в Джунгарии возобновились и закончились после смерти Амурсаны. «Истребительная война в Джунгарии закончилась лишь в 1759 г., когда цинским войскам удалось ликвидировать последний очаг освободительной борьбы ойратов в горах Юлдуза» [Златкин 1983: 303].

⁹ Фуцзянцзюнь — помощник командующими войсками.

¹⁰ Банди — монгол из рода Боэргитэ. Служил в военном совете с 1733 г. С 1754 г. — помощник главы Военной палаты, первый помощник командующего войсками по усмирению соседних стран.

¹¹ Салар — ойратский феодал; бежал в Халху в 1751 г.

¹² В оригинале: «获达瓦齐此事关系甚要断不可再失机会萨喇尔宜加意奋勉不得稍有意怠班第阿睦尔撒纳暂驻伊犁办理事务仍将萨喇尔进兵情形随时速奏又谕曰...» (перевод наш. — Н. К.).

К вопросу об уничтожении ойратов в XVIII в.

В работе С. К. Удербасовой, А. М. Сагатов верно подчеркивается: «...многие аспекты истории ойратов нуждаются в переосмыслении» [Удербасова, Сагатов 2019: 58]. Полагаем, это имеет отношение и к вопросу, связанному с ликвидацией последнего очага освободительной борьбы ойратов. Л. И. Думан в своей монографии 1936 г. отмечал [Думан 1936: 72], что по поводу истребления ойратов российские и западноевропейские авторы используют преувеличенные данные китайского источника ‘Сиюй вэнь цзянь лу’¹³ или используют этот источник в переводе о. Иакинфа [Иакинф 1829]. Собственно, речь идет о цифре миллион человек. Современные ученые в своих работах, опубликованных на русском или английском языках, также упоминают эту цифру, уточняя, что в другом китайском источнике указаны данные об уничтожении 600 000 чел. [Кукеев 2019: 314; Perdue 2005: 484]. По мнению Л. И. Думана, «эта цифра (миллион. — Н. К.) взята китайским автором символически, в переносном смысле, обозначая множество, большое количество» [Думан 1936: 72]. Собственно, данное замечание не лишено оснований.

Фраза, на которую ссылаются исследователи, следующая: 诛其男婦子女逾百万人 (西域闻见录, цит. по: [Думан 1936: 72]). О. Иакинф переводит это предложение так: «...истребили до миллиона обоюго пола людей, не разбирая возраста» [Иакинф 1829: 165 (2-я pag.)]. Фраза употребляется в следующем контексте. После смерти Амурсаны и выдачи его трупа Цинской империи ойраты часто бунтовали. Для подавления бунта были направлены войска. Дальше идет цитированное выше предложение.

В конце предложения есть два иероглифа — 百 (bai), который означает «сто», и 万 (wan), который означает «десять тысяч». Эти иероглифы, стоящие рядом, действительно, можно перевести как миллион. Однако стоит учитывать, что в китайских текстах понятие «десять тысяч» не всегда связано с сухими статистическими данными. Напротив, чаще оно выступает как образное философское понятие¹⁴. Так, десять тысяч вещей — это тьма, множество вещей. О неизмеримой глубине говорят 万丈深 (‘глубина в десять тысяч чжанов’¹⁵), о необыкновенном разнообразии — 千差万别 (‘тысяча отличий и десять тысяч различий’); пожелание «многие лета» на китайском языке звучит как 万年 (‘десять тысяч лет’).

Огромное расстояние определяется как 万里 (‘десять тысяч ли’¹⁶), причем в этом значении сочетание иероглифов встречается не только в чэньюях¹⁷, но также в официальных документах Цинской империи. Так, в указе Цяньлуна от 9 декабря 1759 г., то есть уже после покорения Джунгарии и Кашгарии, говорилось о том, что население Поднебесной увеличилось и что была обрете-

¹³ 西域闻见录 (= «Описание виденного и слышанного о западном крае»). Источник больше известен под названием «Описание Западного края». Автор — Чунь Юань, манчжурский чиновник, который служил в Восточном Туркестане. Работа была издана в 1777 г.

¹⁴ Приведенные ниже примеры употребления иероглифа 万 взяты из онлайн-словаря [БКРС].

¹⁵ Чжан — китайская мера длины (3,2 м).

¹⁶ Ли — китайская мера длины (576 м).

¹⁷ Чэньюй — устойчивый оборот, фразеологизм, который, как правило, состоит из четырех иероглифов. Примеры чэньюев с иероглифами 万里: 咫尺万里 (‘как будто рукой подать, а на самом деле расстояние как в десять тысяч ли’ (никак не сойтись)); 鹏程万里 (‘Птица Пэн пролетает огромное расстояние’ (о блистательных перспективах)).

на возможность «использовать свободные земли на пространстве 10 тыс. ли» (цит. по: [Кузнецов 1983: 19]), и данная возможность рассматривалась в указе как помощь подъему земледелия, горным промыслам империи. Заметим, то же расстояние в сочинении первой половины XIX в. «Описании заморских стран» Вэй Юаня употребляется по отношению ко всей Цинской империи: «Только в Китае [на территории] в 10 000 ли существует единое правление [императора]» (цит. по: [Врадий 2018: 138])¹⁸.

Соответственно, предложенная еще в 1936 г. Л. И. Думаном трактовка вполне уместна. Иероглифы 百万 могут означать не только «миллион», но и «очень много». Также необходимо обратить внимание на первый иероглиф в цитированном выше предложении — 诛. Одно из его значений — это, действительно, «истреблять, уничтожать, губить». Однако существуют другие значения: карать, идти карательным походом, наказывать, взыскивать. Соответственно, можно понять, что Цинская империя уничтожила ойратов или что Цинская империя покарала (наказала) ойратов.

Уточнение по поводу того, кого уничтожали. 男婦子女, с одной стороны, можно перевести как «мужчин, женщин, сыновей, дочерей». Однако 子女 означает не только сыновья и дочери, дети, но также — мужчины и женщины. С учетом распространения в китайском языке повторов, а также известного факта, что оставили в живых сына врага империи — Амурсаны¹⁹ (соответственно, уничтожать детей рядовых бунтовщиков, скорее всего, не стали бы), можно предложить вариант перевода: «Уничтожили (наказали) мужчин и женщин...»).

Таким образом, вместо предложенного о. Иакинфом перевода «...истребили до миллиона обоюга пола людей, не разбирая возраста» предлагаем вариант перевода: «Уничтожили (наказали) очень-очень много мужчин и женщин». Предложенный вариант требует уточнения у специалистов с профессиональным китайским языком. Данный вариант перевода подтверждает, что «Цяньлун не имел намерения полностью истребить ойратов» [Пастухов 2009: 25].

На территории бывшей Джунгарии после ее присоединения к Цинской империи ойратов не осталось. На вопрос об их дальнейшем месте пребывания отвечают Д. Г. Кукеев, К. Ш. Хафизова, А. М. Пастухов в своих работах. Д. Г. Кукеев анализирует социальное явление «махачин», которое проявлялось в сопротивлении ойратов, регулярно нападавших на лиц, проживавших на территории бывшего Джунгарского государства.

Основными объектами «махачин» стали военнослужащие Цинской империи. В одной из статей Д. Г. Кукеева, в частности, указано, что «сопротивление ойратов продолжалось не до 1759 г., ...а, как минимум до 1762 г.» [Кукеев 2018: 20].

К. Ш. Хафизова отмечает, что «...в трагические для ойратов времена, население Казахского ханства значительно пополнилось за их счет» и «...во время междоусобиц и разгрома Джунгарского ханства во многих казахских белых и черных юртах наши приют ойратские беженцы, невольники и невольницы» [Хафизова 2019: 119].

¹⁸ В цитате сохранена пунктуация автора цитируемой работы.

¹⁹ См.: [Иакинф 1829: 164 (2-я пар.)]. В примечании на указанной странице сказано, что жену Амурсаны привезли в Пекин, где она родила сына. Сын умер в возрасте 40 лет в той же тюрьме.

А. М. Пастухов подчеркивает, что с 1760 г. Цинская империя стала создавать условия для переселения ойратов в долину Или, причем была предпринята широкая кампания по возвращению ойратов, которые оказались в плену у уйгуров и казахов [Пастухов 2009: 26]. Считаем, что выявленные этими учеными факты подтверждают, что не все ойратское население было уничтожено, соответственно, предложенный выше вариант перевода возможен.

На первый взгляд, можно увидеть противоречие. С одной стороны, Цинская империя не стремилась уничтожить ойратов, с другой стороны, ставила цель уничтожить Джунгарское государство, причем еще до начала военной кампании 1755 г. [Кузнецов 1983: 19]. Полагаем, эта цель была обусловлена не только сложившимися к середине XVIII в. китайско-ойратскими отношениями, которые были рассмотрены в предыдущей части, но и особенностями внешней политики Цинской империи, основанной на религиозно-философском учении об императоре как сыне Неба. Когда китайский император вступал во взаимодействие с правителем другого народа как сын Неба, то правитель получал сакральную силу от императора, а не только осязаемые преимущества в виде ответных даров или выгодных договоренностей в торговой и военной сферах. Эту сакральную силу он мог направить на подвластное ему государство подобно тому, как сын Неба направлял свое благотворное влияние на Поднебесную. В самой Поднебесной считали, что существует тесная связь между способностью императора проводить волю Неба и состоянием государства, соответственно, такая связь предполагалась и между номинальным подданным империи, получившим сакральную силу от сына Неба, и подвластным им государством. С этой точки зрения указанное выше противоречие снимается: Цинская империя стремилась уничтожить Джунгарское государство, правители которого проявляли великое непокорство в отношении императора, но не ставила цель уничтожить ойратский народ.

Проявление сакральной стороны власти в отношении казахов

Мирные китайско-казахские отношения в XVIII в. были установлены в 1757 г. Этим годом датируется письмо хана Абылая императору Цяньлуну [Noda, Onuma 2010: 11–16 (2nd pag.)]²⁰. По документу можно увидеть: Абылай с подвластными ему казахами признали себя номинальными подданными сына Неба и выразили готовность к сакральному взаимодействию с богдыханом. Во-первых, в письме хана речь идет не о конкретных родственных связях — он называет Есим-хана и Жангир-хана, своих предшественников, дедом и отцом, но символическими средствами демонстрируется преемственность власти у казахов, также священное на нее право самого Абылая. Во-вторых, хан признает в письме себя сыном цинского императора, и в таком обращении проявляется характерное для Китая, начиная с древних эпох, взаимодействие номинального вассала со своим сюзереном — сыном Неба, китайским правителем.

²⁰ В оригинале письмо Абылая в переводе с ойратского на английский: «I present [this letter] to the Supreme Great Khan. Since the time of my grandfather and father, Eshim Khan and Janggir Khan, your edict has not reached to me. Now, hearing your edict, I am glad always to know [that you] have regard for us. I, that is Abulay, have become your son and all the Kazakhs have become your albatu. Now, I hope that the Above (emperor) would instruct how to have regard for us. [I dispatched] seven envoys [and four attendants], [a total of] eleven persons».

Абылай также пишет, что все казахи стали албату императора, что также подтверждает номинальный характер подданства казахов²¹.

Факт установления именно сакрального взаимодействия, считаем, также подтверждает следующее событие, рассмотренное К. Ш. Хафизовой. После смерти Абылая к его преемнику — старшему сыну Вали — прибыло китайское посольство, целью которого было не только признание ханского достоинства Вали. По инициативе посольства были проведены поминки по хану Абылаю. «Узнав о желании посольства провести поминки по хану Абылаю, Вали в сопровождении своих шести младших братьев прибыл в лагерь, раскинутый к западу от Баян-аула» [Хафизова 2019: 157].

Церемония проводилась согласно китайским обычаям. Подготовили жертвенный скот и вино. На огне сжигали шелковые ткани и ритуальные деньги [Хафизова 2019: 156–157]. Сакральный подтекст церемоний, связанных с похоронами, не вызывает сомнений, и проводят подобные церемонии, за очень редким исключением, только для своих — тех, кто при жизни признавал и поддерживал определенную религию, признавал определенный способ взаимодействия с высшими сферами.

Утвержденный в 1822 г. Устав о сибирских киргизах устанавливал юрисдикцию России на территории Среднего жуза. Потомок Абылая и Вали — Губайдулла в 1824 г. был избран старшим султаном созданного Кокчетавского окружного приказа и дал присягу на верность Российской империи. Несмотря на то, что Губайдулла являлся подданным России и ханская власть юридически была упразднена, он направился на встречу с посольством Цинской империи, которое прибыло в 1824 г. на территорию Среднего жуза с целью вручить ему документ с признанием за ним ханского достоинства. Представители российской администрации узнали о действиях старшего султана Кокчетавского окружного приказа и задержали его [Гутаев 2019: 254].

Та настойчивость, которую султан Губайдулла, являясь подданным Российской империи, проявил при встрече посольства Цинской империи, желая получить подтверждение ханского достоинства, когда ханская власть в России была упразднена, указывает на стремление казахского правителя продолжать оставаться номинальным подданным Поднебесной вместе с подвластным ему народом.

Обратим внимание, китайское посольство было направлено после того, как Губайдулла направил цинскому императору в дар коней и сообщил о смерти Вали-хана, то есть именно с казахской стороны было высказано желание о подтверждении ханского достоинства Цинской империей. Важно, что китайское посольство должно было передать не только документ с признанием за казахским правителем ханского достоинства, но также дар от императора для проведения поминок по его отцу Вали хану — 300 лянов серебра, а также «бумажные деньги и другие ритуальные вещи», чтобы провести поминки от имени императора, то есть сына Неба [Хафизова 2019: 176–177].

Признав себя номинальными подданными сына Неба и выразив готовность к сакральному взаимодействию с богдыханом, казахи получили конкретные

²¹ Албату в Цинской империи — это простолюдины, государственные крепостные. Они выплачивали албань — ясак, подать, дань.

осязаемые преимущества в сфере торговли. Такое взаимодействие предполагало возможность получить, при необходимости, военную поддержку со стороны цинского двора. Немаловажным преимуществом были дары императора, которые получал номинальный вассал в ответ на свои дары.

Казахские посольства с дарами стали отправляться в Цинскую империю с 1757 г. Однако постепенно императорский двор усомнился в целесообразности принимать всех представителей казахской элиты, которые высказывали желание предстать перед императором. Стали вводиться ограничения. С начала 1759 г. послы доставлялись за казенный счет только из Баркуля²². Возвращаться домой приходилось на собственных лошадях, верблюдах [Кузнецов 1983: 27]. С 90-х гг. XVIII в. запретили приезжать младшим сыновьям и братьям ханов, султанов «без ведома старших», иначе могло значительно увеличиться «число жаждущих удачи» [Кузнецов 1983: 28].

На некоторые просьбы представителей казахской элиты в Пекине просто не реагировали. Наиболее прочные контакты империя сохранила с Абылаем, Абулфеизом, а также с их потомками [Хафизова 2019: 159]. Это было связано с тем, что подвластные им казахи «кочевали в непосредственной близости от границ Синьцзяна» [Кузнецов 1983: 28].

Необходимо отметить, что Цинская империя при возникающих китайско-казахских противоречиях реагировала достаточно мягко, по сравнению с реакцией на китайско-джунгарские противоречия. Полагаем, это связано в том числе с тем, что казахским правителям удалось не только на словах, но и на деле стать номинальными подданными сына Неба, в отличие от подданных Джунгарского государства.

Китайско-казахские противоречия стали проявлять себя после прекращения существования государства ойратов. С казахской стороны возникла заинтересованность расширить свои кочевья за счет территорий, которые ранее входили в состав Джунгарии. Цяньлунь своим указом от августа 1760 г. объявил о вхождении всех кочевий, которыми владели джунгары, в состав империи. При этом новая граница не была маркирована, ее визуальное обозначение спустя год после указа только планировалось.

Переселение казахов на бывшие джунгарские кочевья началось за два года до указа, в 1758 г. Казахи заняли Тарбагатай в начале 1760 г., то есть до указа Цяньлуна. Узнав об этом, Цяньлунь отправляет к казахам своих офицеров, солдат. Перед ними ставилась задача обратиться к Абылаю и потребовать, чтобы казахский правитель отозвал казахов из Тарбагатая. Всем казахам следовало объявить, что территория покорена Поднебесной, что казахи занимают ее незаконно, и в случае их отказа покинуть эту землю Цинская империя изгонит их [Кузнецов 1983: 30–31].

Однако эта мера не возымела должного действия. Казахи не покинули Тарбагатай и продолжали занимать бывшие джунгарские кочевья. Причем сообщали об этом в посланиях Цинскому императору. Еще до указа от августа 1760 г. в манифесте, адресованном казахским правителям²³, была разъяснена позиция двора. В документе было сказано, что империя завоевала земли быв-

²² Баркуль — населенный пункт Синьцзяна, расположен на территории бывшей Джунгарии, на северном склоне Тянь-Шаня.

²³ Абылаю, Абулмамбету, Абулфеизу, Хаибаве.

шего Джунгарского государства без помощи казахов, также обращалось внимание, что казахи не испытывают недостатка в пастбищах. Однако и после указа Цяньлуна от августа 1760 г. казахи продолжали занимать кочевья, ранее занятые джунгарами [Кузнецов 1983: 31].

Началась кампания по изгнанию казахов с территории, завоеванной Цинской империей. Причем это были не карательные операции, а «эпизодические наезды цинских отрядов», которые патрулировали территорию. Казахов эти меры не останавливали. Они стремились избежать столкновения с цинскими войсками, покидали занятые джунгарские кочевья, но, когда войска уходили, вновь возвращались на территории, которые считали своими [Кузнецов 1983: 31–32].

Меры по отношению к казахам ужесточились. Так, с конца 1762 г. официально было разрешено захватывать скот у казахов, которые осмелились, вопреки запретам императора, кочевать на бывших джунгарских землях. Кампания по их изгнанию с этой территории активизировалась в конце 1764 – начале 1765 г. Причем проводилась она с применением мягкой силы. В одном из указов Цяньлун призывал военных «...избегать опрометчивых действий, чтобы казахи „не питали презрения“ к империи» [Кузнецов 1983: 32]. В результате цинские войска заняли Тарбагатай, казахов также изгнали с кочевий, которые они заняли по Иртышу.

Однако возвращения казахов на территории, которые они считали своими, продолжались. С китайской стороны стали направляться воинские отряды, которые нападали на казахские кочевья и угоняли скот. Подобные вылазки считались правомерными, так как стада паслись на землях Цинской империи, захваченный скот рассматривался как плата за пользование чужими землями, а сами вылазки считались инспекционными поездками. Интересно, что старшим патрульным начальником назначался тот, кто разбирался «в законах и настроениях „варваров“» [Кузнецов 1983: 33], то есть империя не только призывала казахов к послушанию, но и пыталась провести разъяснительную работу.

В итоге казахам было разрешено пользоваться кочевьями на территории бывшего Джунгарского государства. Данное разрешение, во-первых, относилось к казахам, у которых не было места для кочевания или над которыми нависала угроза от своих соплеменников. Предполагалось, что в этих двух случаях они пожелают стать реальными подданными Цинской империи. Во-вторых, для остальных казахов были установлены сезонные ограничения на кочевку. Караулы в Тарбагатае на осень и зиму переносились. Территория освобождалась, и на нее допускались казахи. За пользование пастбищами уплачивалась одна лошадь со ста. Это обложение являлось арендной платой, которую арендаторы — казахские номады — уплачивали Цинской империи как владельцу земли [Кузнецов 1983: 33–34].

Заключение

Сакральный характер власти в Цинской империи, связанный с религиозно-философским учением об императоре как сыне Неба, управляющим Поднебесной, проявлял себя в том числе и во внешней политике. Правители неких тайских народов становились номинальными подданными богдыхана без при-

нуждения со стороны империи. Взаимодействие проявлялось в отправлении посольств в Пекин с дарами и получении ответных даров, также выражалось в переписке. Номинальное подданство не обязывало правителя принимать формальное, реальное подданство.

Номинальные подданные получали конкретные преимущества и поддержку с китайской стороны. И это были не только преференции в торговой или военной сферах. Рассмотренный эпизод китайско-казахского взаимодействия XVIII в., связанный с территорией бывшего Джунгарского государства, показывает: если правители некайского народа признавали китайского императора сыном Неба, продолжали ритуальное взаимодействие с ним, то в отношении такого народа империя действовала мягкой силой, даже когда сталкивалась с осознанным нарушением рекомендаций, указов со стороны империи. Но если правитель сначала становился номинальным подданным сына Неба, а затем прекращал это взаимодействие и начинал противоречить императору, как это произошло с Галданом Бошогту-ханом в XVII в., а также с его преемниками в XVIII в., то ни о каком применении мягкой силы в отношении подобного государства речи не могло быть. Таких правителей и, соответственно, подвластное им государство империя стремилась просто уничтожить. Заметим, речь идет именно о правителях и подвластном им государстве, а не об уничтожении некайских народов.

В частности, Цинская империя изменила политику в отношении ойратов: объявила амнистию всем беженцам, позволила им возвратиться на родину. Причем на месте им предоставляли льготы: «...выдавалось денежное пособие... Ойратов распределяли по гарнизонам, почтовым и военным станциям, наделяли скотом» [Хафизова 2019: 125].

Рассмотренные факты китайско-ойратских и китайско-казахских отношений, безусловно, можно анализировать без учета религиозно-философского учения об императоре — сыне Неба, и в этом случае в анализе будут сделаны другие акценты. Однако стоит учитывать, что сакральный характер власти — это один из основных признаков империи.

Литература и источники

- Ануфриев 2011 — *Ануфриев К. С.* Политика России и Китая в Центральной Азии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 200 с.
- Бармин, Дмитриев, Шматов 2016 — *Бармин В. А., Дмитриев С. В., Шматов В. Г.* Синьцзян: очерк истории региона // Общество и государство в Китае. Т. XLVI. Ч. 2. (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 21 / редколл.: А. И. Кобзев и др.). М.: ИВ РАН, 2016. С. 209–244.
- БКРС — Китайско-русский и русско-китайский онлайн-словарь [электронный ресурс] // БКРС. Китай и китайский язык для профессионалов и любителей. URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 29.07.2020).
- Врадий 2018 — *Врадий С. Ю.* Предисловие к «Описанию заморских стран с [приложением] карт» Вэй Юаня (перевод, комментарии) // Известия Восточного института. 2018. № 2. С. 132–141.
- Доронин 2009 — *Доронин Б. Г.* История и историческое сознание // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / ред. М. Л. Титаренко. М.: Вост. лит., 2009. С. 27–40.

- Думан 1936 — *Думан Л. И.* Аграрная политика Цинского (Манчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII века / отв. ред. В. М. Алексеев. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. 256 с.
- Думан 1976 — *Думан Л. И.* Учение о сыне Неба и его роль во внешней политике Китая (с древности до нового времени) // Китай: традиции и современность. М.: Наука, 1976. С. 28–51.
- Златкин 1983 — *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. 2-е изд. М.: Наука, 1983. 335 с.
- Иакинф 1829 — Описание Чжунгарии и Восточного Туркистана в древнем и нынешнем состоянии. Пер. с кит. Монахом Иакинфом. Часть I–II. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1829. XLVI, 271 с.
- Кузнецов 1983 — *Кузнецов В. С.* Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1983. 128 с.
- Кукеев 2019 — *Кукеев Д. Г.* Китайские источники частного характера по истории джунгарского ханства // Общество и государство в Китае. 2019. № 1. С. 308–317.
- Кукеев 2018 — *Кукеев Д. Г.* Особенности сопротивления ойратов на заключительном этапе уничтожения джунгарского ханства: «махачин» // Общество и государство в Китае. 2018. № 1. С. 13–22.
- Кычанов 2009 — *Кычанов Е. И.* Традиционное право // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / ред. М. Л. Титаренко. М.: Вост. лит., 2009. С. 386–402.
- Мартынов 2009 — *Мартынов А. С.* Императорское дэ как символ верховной власти // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / ред. М. Л. Титаренко. М.: Вост. лит., 2009. С. 136–140.
- Международные отношения 1989 — Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Док. и мат-лы. / Ин-т востоковедения АН СССР, Ин-т востоковедения АН МНР; сост. Б. П. Гуревич, В. А. Моисеев. Кн. 1. М.: Наука, 1989. 373 с.
- Моисеев 1991 — *Моисеев В. А.* Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата: Гылым, 1991. 238 с.
- Пастухов 2009 — *Пастухов А. М.* Ойратская политика Цяньлуна // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 2. С. 19–29.
- Тиморшина 2005 — *Тиморшина А. М.* Внешнеполитические парадигмы империи Цин // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2005. № 1. С. 225–235.
- Тутаев 2019 — *Тутаев И. В.* Казус с признанием Губайдуллы Уалиханова в достоинстве хана: историко-правовой анализ // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв. Сб. науч. тр. / науч. ред. Д. В. Васильев. М.: ОнтоПринт, 2019. С. 252–262.
- Удербаетова, Сагатов 2019 — *Удербаетова С. К., Сагатов А. М.* Переосмысление роли ойратов в истории Центральной Азии нового времени в новейшей историографии // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв. Сб. науч. тр. / науч. ред. Д. В. Васильев. М.: ОнтоПринт, 2019. С. 57–64.
- Фанлюэ 1994 — Извлечения из «Пиндин чжунгээр фанлюэ» («Описания усмирения джунгар»). Документ 1 // Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV–XIX вв. Алматы: Гылым, 1994. С. 75–77.
- Хафизова 2019 — *Хафизова К. Ш.* Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. 476 с.

- Noda, Onuma 2010 — *Noda J., Onuma T.* A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty. Tokyo: TIAS, Dept. of Islamic Area Studies, Center for Evolving Humanities, Graduate School of Humanities and Sociology, University of Tokyo. III, 176, [2] p.
- Perdue 2005 — *Perdue P. C.* China Marches West: the Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2005. 725 p.
- 方略 — 平定准噶尔方略清-傅恒. 正编卷十四第 11a 页。Пиндин чжунгаэр фанлюэ. Чжэн бянь цзюань 14е, 11а. (= Описание усмирения джунгаров. Цин. Вошедшее в имеющийся список. Основное составление. Кн. 14. Л. 11а) [электронный ресурс] // 搜韵网 (сайт о поэзии Soyun.com). URL: https://sou-yun.cn/eBookIndex.aspx?kanripoId=KR2c0012_068&id=7505#page_1a (дата обращения: 29.07.2020).

References and Sources

- Anufriev K. S. Russian and Chinese Policies in Central Asia. Tomsk: Tomsk State University, 2011. 200 p. (In Russ.)
- Barmin V. A., Dmitriev S. V., Shmatov V. G. Xinjiang. An outline of history. *Society and State in China*. 2016. Vol. XLVI. Part 2. Pp. 209–244. (In Russ.)
- Chinese-Russian and Russian-Chinese Online Dictionary. On: BKRS. China and Chinese language for professionals and amateurs. Available at: <https://bkrs.info/> (accessed: July 29, 2020). (In Chin. and Russ.)
- Description of the Dzungar Pacification: Excerpts. Document 1. In: Chinese Documents and Materials on the History of Eastern Turkestan, Central Asia and Kazakhstan: 14th–19th Centuries. Almaty: Gylym, 1994. Pp. 75–77. (In Russ.)
- Doronin B. G. History and historical consciousness. In: Titarenko M. L. (ed.) *Spiritual Culture of China: Encyclopedia*. In 5 vols. Vol. 4: Historical Thought. Political and Legal Culture. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2009. Pp. 27–40. (In Russ.)
- Duman L. I. Agrarian Policy of the Qing (Manchu) Government in Xinjiang: Late 18th Century. V. Alekseev (ed.). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1936. 256 p. (In Russ.)
- Duman L. I. Son of Heaven: the doctrine and its role in China's foreign policy (from earliest times to the modern era). In: *China. Traditions and Contemporaneity*. Moscow: Nauka, 1976. Pp. 28–51. (In Russ.)
- Gurevich B. P., Moiseev V. A. (comps.) *International Relations in Central Asia, 17th–18th Centuries: Documents and Materials*. Institute of Oriental Studies (USSR Academy of Sciences), Institute of Oriental Studies (Mongolian Academy of Sciences). Vol. 1. Moscow: Nauka, 1989. 373 p. (In Russ.)
- Hyacinth (transl.) *Description of Dzungaria and Eastern Turkestan: From Earliest Times to the Present Days*. Parts I–II. St. Petersburg: Karl Kray, 1829. XLVI, 271 p. (In Russ.)
- Khafizova K. Sh. *Steppe Rulers and Their Diplomacies: 18th–19th Centuries*. Nur-Sultan: Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, 2019. 476 p. (In Russ.)
- Kukeev D. G. Chinese private sources on the history of Zunghar Khanate. *Society and State in China*. 2019. No. 1. Pp. 308–317. (In Russ.)
- Kukeev D. G. Some features of the Oirats' resistance at the final stage of the annihilation of Zunghar Khanate: 'makhachin'. *Society and State in China*. 2018. No. 1. Pp. 13–22. (In Russ.)
- Kuznetsov V. S. *The Qing Empire Approaching Central Asia: Mid-18th to Mid-19th Centuries*. Novosibirsk: Nauka, 1983. 128 p. (In Russ.)
- Kychanov E. I. Customary law. In: Titarenko M. L. (ed.) *Spiritual Culture of China: Encyclopedia*. In 5 vols. Vol. 4: Historical Thought. Political and Legal Culture. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2009. Pp. 386–402. (In Russ.)

- Martynov A. S. The Emperor's *Te* as a symbol of supreme power. In: Titarenko M. L. (ed.) *Spiritual Culture of China: Encyclopedia*. In 5 vols. Vol. 4: Historical Thought. Political and Legal Culture. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2009. Pp. 136–140. (In Russ.)
- Moiseev V. A. *Dzungar Khanate and Kazakhs: 17th–18th Centuries*. Alma-Ata: Gylym, 1991. 238 p. (In Russ.)
- Noda J., Onuma T. *A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty*. Tokyo: TIAS, Dept. of Islamic Area Studies, Center for Evolving Humanities, Graduate School of Humanities and Sociology, University of Tokyo. III, 176, [2] p. (In Eng.)
- Pastukhov A. M. Oirat policy of the Qianlong Emperor. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2009. No. 2. Pp. 19–29. (In Russ.)
- Perdue P. C. *China Marches West: the Qing Conquest of Central Eurasia*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2005. 725 p. (In Eng.)
- Timorshina A. M. External political paradigms of the Qing Empire. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2005. No. 1. Pp. 225–235. (In Russ.)
- Tutaev I. V. How Gubaydulla Ualikhanov was declared Khan: a historical and legal analysis of the casus. In: Vasilyev D. V. (ed.) *Central Asia, 18th–19th Centuries: The Cross-Roads of European and Asian Political Interests. Collected Scholarly Papers*. Moscow: OntoPrint, 2019. Pp. 252–262. (In Russ.)
- Uderbaeva S. K., Sagatov A. M. Rethinking the role of Oirats in the modern history of Central Asia and contemporary historiography. In: Vasilyev D. V. (ed.) *Central Asia, 18th–19th Centuries: The Cross-Roads of European and Asian Political Interests. Collected Scholarly Papers*. Moscow: OntoPrint, 2019. Pp. 57–64. (In Russ.)
- Vradiy S. Yu. Preface to Wei Yuan's 'Illustrated Treatise of Foreign Countries' (translation and commentaries). *Oriental Institute Journal*. 2018. No. 2. Pp. 132–141. (In Russ.)
- Zlatkin I. Ya. *History of the Dzungar Khanate: 1635–1758*. 2nd ed. Moscow: Nauka, 1983. 335 p. (In Russ.)
- 方略 — 平定准噶尔方略清-傅恒。正编卷十四第 11a 页。Pinyin chzhun'gaer fanlyue. Chzhen b'yan' tszyuan' 14e, 11a (Description of the Dzungar Pacification. The Qing. Materials Included in the Available List. Key Part. Book 14. P. 11a). On: 搜韵网Soyun.com. Website of poetry. Available at: https://sou-yun.cn/eBookIndex.aspx?kanripId=KR2c0012_068&id=7505#page_1a (accessed: July 29, 2020). (In Chin.)